ИСТОРИЯ

АГАПОВ Вадим Львович

канд. ист. наук, доцент департамента коммуникаций и медиа Школы искусств и гуманитарных наук,
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)
Электронная почта: agapov_vl@mail.ru

Первая мировая война и печать. Часть 3: военные действия Первой мировой войны в освещении дальневосточной прессы

УДК 94(100)"1914/19"

doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-4/6-37

*Первая мировая война,
Российская империя,
Дальний Восток,
военные действия,
периодическая печать,
общество*

Печатавшаяся в газетах официальная информация о войне содержала мало правды, а основанные на ней передовые статьи были дилетантскими и однообразными. Делается вывод, что, несмотря на обилие публикаций, в дальневосточном тылу о войне знали мало. Это некоторое время поддерживало в населении надежду на то, что русская армия сможет победить противника, однако эта надежда была основана на незнании действительного положения дел. Она была потеряна из-за затягивания военных действий на годы, показавшего журналистам и их читателям, что все кровопролитные сражения остаются бесплодными, и что исход войны не может быть решён на поле боя.

Первая мировая война вызвала большой интерес в российском обществе. На некоторое время эта тема вытеснила в общественном сознании все остальные. На площадях, улицах и в домах все говорили только о войне. 25 июля (7 августа) 1914 г. один из авторов никольск-уссурийской газеты «Уссурийский край» писал: «Война отодвигает на задний план все остальные интересы. Никогда ещё никольцы не оказывали столь благосклонного внимания местной печати, как теперь...» [25] (Рис. 1).

Развитие военных событий, в которые оказались вовлечены миллионы людей, прежде всего из сёл и деревень России, обострило интерес к печати. Даже крестьяне стали вскладчину выписывать газеты и затем читали всей деревней вслух [6, с. 33]. Редакция «Благовещенского утра» 5 (18) августа 1914 г. отметила, что «тираж газеты удвоился» [39]. Во владивостокском «Дальнем Востоке» 8 (21) февраля 1915 г. отмечалось, что «печать, в связи с войной, получила необычное для России распространение: газеты и еженедельные журналы заползают в самые глухие уголки России» [138].

Серьёзную помеху прессе в освещении войны составила военная цензура. Современные историки называют её «гасильником народного духа», имея в виду, что своей работой она уменьшила эффективность военной пропаганды в России и способствовала непопулярности войны в российском обществе [3; 9; 10; 110]. Тем не менее именно из газет жители удалённого от театров военных действий Дальнего Востока России получали большинство сведений о происходивших на

Для цитирования:
Агапов В. Л. Первая мировая война и печать. Часть 3: военные действия Первой мировой войны в освещении дальневосточной прессы // Известия Восточного института. 2019. № 4. С. 6–37. doi: dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-4/6-37

фронте событиях. По газетным публикациям они составляли своё отношение к ним.

В исторической литературе существует не так много исследований, посвящённых формированию образа Первой мировой войны в российской прессе. Можно отметить разве что статью С. В. Фоминых и А. О. Степнова, где показано освещение в провинциальных газетах одного из крупнейших сражений – Брусилковского прорыва [157]. На

Рис. 1. Первая полоса газеты «Уссурийский край» от 25 июля 1914 г. [25].

Дальнем Востоке было несколько публикаций, основанных на печатавшихся в дальневосточной прессе солдатских письмах с фронта [1; 2; 34]. Однако целостной картины того, что знали о ходе войны в российском тылу, на данный момент в отечественной литературе не представлено.

Цель статьи – показать источники и особенности формирования образа Первой мировой войны в дальневосточных газетах 1914–1917 гг. и влияние газетных публикаций на развитие общественных настроений на Дальнем Востоке в годы войны.

Дальневосточные газеты географически находились далеко от театров военных действий Первой мировой войны и собственных корреспондентов на фронте не имели. Однако публикации о войне занимали на их страницах достойное место, хотя не одинаковое в разных изданиях. Внимание, которое уделялось в газете этой тематике, зависело прежде всего от её типа. Чаще и подробнее о войне писали те, которые и ранее обращали большее внимание на политику, включая внешнюю. Это были издания для интеллигенции, чиновников, предпринимателей, то есть для образованных слоёв общества. На Дальнем Востоке к таким относились газеты «Дальний Восток», «Далекая окраина» (обе – г. Владивосток) и отчасти «Приамурье» (г. Хабаровск) и «Уссурийский край» (г. Никольск-Уссурийский). Напротив, те издания, которые до войны специализировались на местных новостях, городской хронике, печатали о войне в основном официальную информацию. Таковы газеты «Амурский лиман», «Восточное Поморье», «Приамурская жизнь», «Текущий день», «Восток», «Благовещенское утро», «Эхо», «Камчатский листок» и ряд других.

Все эти публикации о войне в прессе можно разделить на три неравные по количеству и месту в номерах группы: официальная информация (военные сводки Ставки, телеграммы С.-Петербургского информационного агентства), перепечатки из столичных и зарубежных изданий и материалы, созданные сотрудниками самих местных газет. Публикации первых двух групп появлялись во всех дальневосточных газетах, а последней – регулярно только в некоторых из них.

К официальной информации относятся *военные сводки от Штаба Верховного главнокомандующего* и официальные телеграммы. В газетах они занимали наибольшее место. Они передавались С.-Петербургским (Петроградским) телеграфным агентством наряду с императорскими указами, правительственными сообщениями и т. п. Эти же телеграммы выпускались отдельными приложениями. Как стало известно после войны, писал сводки Ставки Верховного главнокомандующего полковник А. А. Носков, заведовавший 6-м делопроизводством (печать) [36, с. 65].

Поначалу телеграммы действительно сообщали об одерживаемых российской армией победах. Так, в номере «Далекой окраины» от 23 августа 1914 г. можно было прочитать, что «бои 20 августа были для нас успешны», «преследуемые нами остатки неприятельских колонн поспешно отступают на юг». Напечатанная газетой телеграмма Его Императорскому Величеству от Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича от 21 августа (3 сентября) была озаглавлена «Львов взят»: «С Восторженной радостью, принеся благодарение Богу, доношу Вашему Величеству, что победоносная армия генерала Рузского сегодня в 11 часов утра взяла Львов, а армия

Брусилова – Галич...» [144] (Рис. 2). Телеграмма, напечатанная газетой 29 августа (11 сентября) 1914 г., сообщала, что «австрийская армия, разбитая нами, отступает в беспорядке» [145].

Победы одерживали и союзники России. Телеграммы из номеров газет от 1 (14) сентября, рапортовали: «Наши войска одержали полную победу над красникскими австро-германскими армиями, отброшенными за р. Сан... наши войска приближаются к р. Сану. От французского посольства из Петрограда получена во Владивостоке телеграмма: счастлив сообщить, что французы на всех фронтах остались победителями» [146]. 2 (15) сентября вышло сообщение

Британского военного министерства: «29 августа [11 сентября] общее отступление неприятеля продолжалось вчера по всему фронту... Неприятель в беспорядке быстро отступает к востоку от Суассона... Среди пленных большое количество пьяных, деморализация всё более охватывает ряды неприятеля. Разбитые отряды врагов энергично преследуются» [106]. В номере «Далекой окраины» от 3 (16) сентября говорилось, что на австрийском фронте русскими войсками «одержана решительная победа», но на прусском фронте «необходимость уделить главное внимание галицийскому театру военных действий, где развитие наших успехов энергично продолжается, временно мешало нам иметь достаточные силы в Пруссии для продолжения успешно начатого вторжения в неё... К 1 сентября, после боёв, дорого стоивших неприятелю, наши доблестные войска в полном составе выведены из трудного положения и заняли исходные позиции для дальнейших операций» [147]. В таких словах сообщалось о страшном поражении двух русских армий в Восточной Пруссии. Предупреждая возможное появление такой информации из вражеских источников (через нейтральную прессу или информационные агентства), Главное управление Генерального штаба считало своевременным указать на «лживость» извещений о «мнимых победах» противника и призывало не придавать цену «рассылаемым им телеграммам» [104].

Так уже в первые недели войны проявилась характерная для военных сводок всех воюющих стран тенденция: рассказывать о победах, но молчать о поражениях и неудачах. Даже победы описывались в очень осторожных и обтекаемых выражениях. Когда же речь заходила о неудачах, официальная информация на долгое время утрачивала даже всякую видимость правдоподобия.

В апреле 1915 г. ход военных действий на восточном фронте изменился не в пользу России. Германцы развернули мощное наступление в Галиции и Польше. Военные сводки, опубликованные в «Далекой окраине» с 22 по 27 апреля (с 5 по 10 мая), день за днём сообщали: боевые действия «отличаются особым упорством» [148], «германцы атаковали наши позиции... но вынуждены были нашим огнём к поспешному отходу» [149], «сражение между Вислой и Карпатами раз-

Рис. 2. Сообщение о взятии Львова из номера «Далекой окраины» от 23 августа 1914 г. [144].

вивается с прежним упорством» [150], «наши успехи почти на всех направлениях» [98], но «вследствие превосходства неприятеля в огне тяжёлой артиллерии наши войска несут значительные потери» [15], «атаки неприятеля, сохраняющие характер лобовых ударов, почти на всём фронте сражения не имели успеха» [151]. В этих сообщениях отражён факт перехода армии к обороне, но оборона изображена успешной. Однако на самом деле русский фронт был прорван уже 18 апреля (1 мая) [136, с. 96], и армии стали безостановочно откатываться назад. Военные сводки из номеров газет с 28 апреля (11 мая) по 1 (14) мая показывают попытки Ставки смягчить для российской общественности масштаб поражения: «после упорных боёв неприятелю удалось в районе Красно переправиться через верхнее течение Вислока» [152], «к вечеру 26 апреля на центральном участке сражения в районе Стришев – Бржомов положение сложилось для нас неблагоприятно» [153], «наши войска продолжали отход на назначенные им позиции» [154]. Здесь отступление показано уже как свершившийся факт. Но Ставка пыталась «делать хорошую мину при плохой игре»: «австрийская армия... поспешно отступила за реку Прут. Конница неприятеля... рассеяна нашим огнём. Наши кавалерийские дивизии во многих местах прорвали неприятельский фронт... Преследование энергично продолжается в весьма выгодных для нас условиях» [155]. Последняя телеграмма должна была создавать впечатление, что российская армия перешла в крупное наступление. Однако сводки из газет с 4 (17) по 6 (19) мая и далее снова говорили не о наступлении, а об оборонительных боях: несмотря на превосходящие силы противника, войска не допустили прорыва, смогли «разрешить выпавшие на них трудные боевые задачи и нанести неприятелю огромные потери» [105], «от устья Вислока до Перемышля... неприятель, неся большие потери, вёл безуспешные атаки против вновь занятого нами расположения» [156]. Не обладающий специальными военными знаниями читатель понял бы из таких телеграмм, что германцы перешли в наступление, российские войска смогли его остановить и нанести врагу «огромные потери». Тем не менее военные сводки Ставки продолжали сообщать плохие новости: о падении Либавы, Перемышля, Львова и других городов, как отбитых у Австро-Венгрии в кампанию 1914 г., так и входивших в состав России.

Можно понять и объяснить попытки военного командования России, как и других стран-участников Первой мировой войны, не допустить в печать сведения, которые составляли военную тайну и могли бы быть использованы противником. Но из-за этого сводки Ставки Верховного главнокомандования были источником не слишком достоверным и плохо способствовали газетам в выполнении их основной функции – информирования общества о событиях в стране и мире. Они могли вызывать интерес к войне только в самом начале, когда в них перечислялись взятые русской армией города, пленные и трофеи, из-за чего все газеты стремились печатать эти сводки не только на страницах своих номеров, но и дополнительными приложениями к ним. Но когда ход военных действий изменился не в пользу России, армия отступила и перешла к позиционной обороне, тогда сухость и неинформативность сводок Ставки могла сыграть определённую роль в снижении популярности войны. Потому что о поражениях они по-прежнему умалчивали, а громких побед, о которых можно

было сообщить, больше не было. Помимо этого, негативное влияние на общество оказал и сам факт затягивания войны, сделавший сводки Ставки однообразными.

Вторую группу публикаций на тему войны в дальневосточных газетах составляли перепечатки из столичных изданий. Рассматривая вклад таких публикаций в формирование представлений о войне у дальневосточных читателей, следует отметить, что по тематике они затрагивали общие вопросы, непосредственно военные действия и военную статистику.

Публикации статей по общим вопросам появлялись с первых месяцев войны. Чаще всего источником служили крупнейшие московские газеты либерального направления: «Русские ведомости», «Русское слово» и другие. В статье экономиста кадетской партии и депутата Государственной Думы А. И. Шингарёва «Как прокормится Германия», перепечатанной в «Далекой окраине» 26 августа (8 сентября) 1914 г., говорилось, что Германия имеет «собственные запасы, с которыми она может обойтись в течение 6–8 месяцев совершенно свободно, без тяжёлой голодовки». Это было предостережением против оптимизма по вопросу о якобы недостаточности ресурсов Германии [160]. Таким образом, на второй месяц войны газеты проинформировали читателей о существовании мнения, что война может оказаться продолжительнее, чем предполагалось вначале. В январе 1915 г. в газетах вышло изложение статьи Троицкого «Крепкие нервы» из газеты «Голос Москвы». По мнению автора статьи, нужно рассчитывать на истощение не материальных, а моральных ресурсов Германии, она «является двигателем и вдохновителем всей борьбы», но союзники её Австро-Венгрия и Турция разбиты, и когда моральные силы немцев надломятся, тогда война закончится [23; 24]. В этом месяце «Приамурская жизнь», основываясь на мнении «одной из московских газет», писала, что «решительная и может быть последняя в Европе война не может кончиться скоро – с этим нужно примириться заранее» [50], а «Дальний Восток» сообщал, что Германия готова даже и к «семилетней войне», как в «эпоху Фридриха Великого» [100], «по мнению авторитетных военных кругов, в борьбе Германии и врагов славянства со славянским миром и его союзниками близкого конца предвидеть нельзя» [158], а «надеяться на скорый мир и окончание войны как на результат тягостного для Германии экономического положения, значило бы предаваться иллюзиям» [161]. Военный министр Великобритании фельдмаршал лорд Китченер в интервью американскому военному корреспонденту Ирвину Коббу, перепечатанном «Дальним Востоком» из «Русского слова», заявил: «Война окончится только тогда, когда Германия будет совершенно разбита... Я считаю, что для того, чтобы победить, потребуется минимум три года...» [38] Так считал и сотрудник «Дальнего Востока» Д. Позднеев: «Лорд Китченер прав: победа должна принадлежать нам, чего бы это ни стоило, и сколько бы времени ни тянулась война» [115]. В конце весны автор статьи, перепечатанной «Далекой окраиной» из либеральных московских «Русских ведомостей», утверждал, что «в самой Германии начинают уже задумываться с тревогой над тем, как будет складываться жизнь по окончании войны» [22]. Но особенно

много на эту тему газеты писали в период отступления русской армии летом и осенью 1915 г., то есть когда военное положение для России было тяжёлым. Например, что в Германии и Австрии «недостаток во многих сырьевых материалах становится там очень чувствительным» [21]. По мнению «Русского слова», немецкая пресса оказалась «разочарована» итогами летней военной кампании [95]. Предсказывалось, что Германия пойдёт на мир до наступления зимы [8], что её «положение более критическое, чем когда бы то ни было» [42]. В целом же такие публикации как бы сосредоточены вокруг темы продолжительности войны, относительно которой высказывался больший или меньший оптимизм. Осенью 1915 г. в перепечатанной из «Дня» статье Надеждина «Задача человечества» впервые говорилось, что, возможно, газетные публицисты в начале войны поддались слишком оптимистичному самообману, и что эта война не будет последней, и «Европа не освободится от кровавого кошмара» [28].

Собственно военные действия, помимо вышеупомянутых военных сводок, описывались чаще со ссылкой на официальные газеты русской армии: «Русский инвалид» и «Армейский вестник». Поначалу их военные обзоры были выдержаны в приподнятом духе. В январе 1915 г. «Дальний Восток» печатал из «Русского инвалида» серию статей «Мировая война. Крушение австро-германского плана». Автор в достаточно туманном духе описывал, как германцы пытались прорвать оборону российской армии в Польше на реках Бзура и Равка, и утверждал, что «самые отчаянные атаки немцев неизменно отбивались нашими войсками с огромным для неприятеля уроном» и план немцев «рассыпался как карточный домик» [7]. Когда весной оборона сдала и русская армия начала откатываться назад, «Армейский вестник» писал, что «в полках настроение германцев заметно падает, охотно идут в бой только добровольцы, все жаждут скорейшего мира» [94]. В «Русском инвалиде» попытались оправдать военное командование за это отступление [35], которое они объясняли «неудобством географического положения» и даже приводили заявление официальных кругов, согласно которому ещё в 1910 г. армия была готова встретить Зависленский край и даже правый берег Вислы, чтобы встретиться врага на более сильных рубежах [49]. Официальный «Русский инвалид» повторял, что отступление было неизбежно и запланировано ещё до войны, что теперь войска всего лишь отошли туда, куда предполагалось изначально, и что враг будет разбит [140]. Для этого газета героизировала неудачи, пытаясь превратить поражения в победы. В статье «Как защищался Осовец» описывались подвиги защитников крепости, нанёсших германским войскам огромные потери, в результате «цена, которой неприятель купил овладение бывшей крепостью, чересчур высока и сводит всё практическое значение его к нулю» [33]. В статье «Цена Ковны», источником которой была газета «Русское слово», об обороне этой крепости в августе 1915 г. говорилось, что «лучших солдат германской армии полегло под Ковной, по собственному признанию германцев, до шестидесяти тысяч!» [159].

Обзоры были красочнее и подробнее, чем сводки Ставки, но если последние молчали о неудачах, то первые стремились объяснить их. В результате отступления российской армии, например, Великое отступление 1915 г., представлялись как запланированные и успешно осуществлённые стратегические манёвры, приближающие пораже-

Рис. 3. Статья «Военная публицистика» из номера «Дальнего Востока» от 11 сентября 1915 г. [19].

ние противника. При этом описания эпизодов войны, как, например, обороны крепостей, зачастую противоречили тому, что было на самом деле. Российская частная пресса видела недостатки официальных обзоров. 11 (24) сентября 1915 г. газета «Дальний Восток», ссылаясь на «Утро России», писала: «Русское общество и серьёзные военные круги, конечно, удручены быстрым падением наших крепостей, а г. «авторитет» из «Русского инвалида» находит и здесь повод для утешения» [19] (Рис. 3).

Отдельного упоминания заслуживают статистические сведения о войне. В целом военная статистика в газетах была результатом двойного заимствования. Дальневосточные газеты печатали её на основе публикаций московских или петербургских газет, которые, в свою очередь, брали эти сведения из швейцарских, голландских или английских. Печатались такие цифры очень часто и на разные даты, имея целью показать истощение противника, способное привести к

его поражению. Поэтому в них долгое время не говорилось о потерях России и её союзников, но постоянно муссировались цифры жертв со стороны Германии и её союзников. Впервые эти цифры опубликовала «Далекая окраина» 8 (21) декабря 1914 г. в заметке «Потери австрийцев»: «Имеются сведения, что... за первые три месяца войны Австрия потеряла более 900 тысяч человек... приблизительно 27 процентов своей армии» [119]. 9 (22) декабря эта же газета сообщила, что общие потери германцев и австрийцев уже «превышают 2 млн. человек» [121]. 4 (17) января 1915 г. газета «Дальний Восток» писала, что, по данным швейцарских специалистов, численность германской армии достигла 5 млн. человек, а «число выбывших из строя в германской армии... достигает теперь 1 200 000 человек» [99]. По словам газеты, подсчёты потерь произвели «сильное впечатление в Германии» [101]. 3(16) марта в статье «Потери германской армии» говорилось, что «к 1 февраля общее количество потерь их должно достигать около 2 300 000 человек» и что «Германия почти целиком исчерпала весь свой запас людей» [27]. 2 (15) апреля Новиков-Сибирский в «Далёкой окраине» подсчитал, что до 1 (14) февраля 1915 г. потери Австро-Венгрии составили 348 000 убитых, 915 000 раненых, 460 000 пропавших без вести и пленных (всего 1 723 000), а потери Германии – 483 000 убитых и 1 083 000 раненых (всего 1 566 000) [61].

17 (30) мая «Далекая окраина» опубликовала большую статью «Военная статистика». В ней приводились данные, что за 8 месяцев войны в воюющих странах мобилизовано 30 млн. человек и 8 млн. лошадей, выбыло из строя около 10 млн. человек и 4 млн. лошадей. «За это время война стоила больше 20 млрд. руб. «За год сумма общих расходов для главных государств будет... в общем около 100 млрд. руб.» По подсчётам швейцарского авторитета запас людей у Германии при нынешнем уровне потерь 235 тыс. человек в месяц истощится через 7–8 месяцев. Остаток сил «со стороны союзников – русские – 7 млн., французы – 3 млн. 800 тыс.», а вместе с англичанами, бельгийцами и сербами «всего 13 млн.», тогда как «с противоположной стороны 8 млн. 500 тыс.» Таким образом, на стороне Антанты численный перевес в 4,5 млн. чел. [20]. 6 (19) июня в «Дальнем Востоке» сообщалось, что, по мнению «Daily Chronicle», «до 15 февраля Германия потеряла... убитыми 248 000, ранеными 748 000 и пропавшими без вести 179 000, всего, таким образом, 1 175 000», а до июня – до 1 800 000 чел. [97]. 2 (15) августа, в период, когда русская армия была максимально ослаблена в результате германского наступления, газеты уверяли, что «военная мощь врага в значительной мере подорвана», так как, по официальным данным германской Ставки, в германской армии «из строя выбыло 43 972 офицера... Потери в нижних чинах достигают 2 200 000 человек, безвозвратно ушедших из рядов войск...» После этого делался оптимистичный вывод: у немцев скоро не хватит людей и они сдадутся [120].

Первый раз сведения о потерях союзников России появились 1 (14) сентября 1915 г.: «Число выбывших из строя французской армии к 1 июля превышало 1 миллион 350 тысяч человек... Франция понесла утрату в размере свыше 3% своего народонаселения». Тяжёлые потери были отмечены и в британской армии – 350 тыс. чел. убитых и раненых к августу 1915 г. [60]. Однако сведений о потерях России в прессе не сообщалось вплоть до 1917 г.

Третью группу материалов о войне в газетах составляли собственные публикации. В отличие от материалов первых двух групп, более или менее одинаковых как в столичной, так и в провинциальной прессе, они печатались исключительно в дальневосточных газетах, поскольку создавались самими сотрудниками редакций. Среди них можно выделить некрологи, солдатские письма с фронта, военные обзоры и передовые статьи. Они представляют собственно дальневосточный взгляд на войну, хотя несут, особенно в обзорах и статьях самых крупных газет, отпечаток мнений и настроений столичной прессы.

Некрологи появились в дальневосточных газетах в сентябре 1914 г. Сначала они посвящались полководцам, чья служба в какой-то степени была связана с Дальним Востоком. Затем появились некрологи простых офицеров и солдат, уроженцев и жителей Дальнего Востока. Последние были более подробными, включали биографические очерки, рассказы о подвигах, выражения соболезнований, объявления о панихидах и иногда фотографии. Так, 8 (21) февраля 1915 г. в «Амурском лимане» сообщалось: «Убитые горем родители, братья и сестры с душевным прискорбием извещают родных и знакомых о смерти дорогого сына и брата Василия Ивановича Толстикова, погибшего в бою 13 ноября 1914 года. Панихида будет отслужена в Соборе сегодня 8 февраля 1915 г. после обедни» [4]. Погибшему посвящена в газете заметка «Памяти добровольца Толстикова»: «Как сейчас представляется он нам в последний час прощания: жизнерадостный, восторженный, движимый одной мыслью, одним страстным желанием – скорее попасть на позиции и стать в ряды защитников Родины. И мы простились и благословили его на великий подвиг. И вот Васи Толстикова нет, он пал смертью героя... Мир праху твоему, юноша... Имея таких сынов, наша великая Родина победит врага...» [108].

10 (23) января 1916 г. газета «Далекая окраина» рассказала о смерти уроженца Приморской области подполковника Петра Александровича Павлова, умершего от разрыва сердца, ставшего следствием трёх контузий: «Хороший товарищ, прекрасный офицер, близкий к солдатам, он всегда чутко прислушивался к ним и был товарищем и отцом в их тяжёлой боевой жизни. Солдаты, оставшиеся в живых, будут с любовью вспоминать своего отзывчивого командира, и светлая память о нём навсегда сохранится в их сердцах...» [111] (Рис. 4).

В номере «Дальнего Востока» от 25 августа 1916 г. сообщалось, что «20 августа сего года пал смертью храбрых корнет гусарского полка А. А. Даттан... Даттан отправился на боевой фронт прапорщиком запаса в [9-й Киевский] гусарский полк, в котором он ранее отбывал воинскую повинность. С этим полком он участвовал во всей его боевой службе, за боевые отличия был произведён в корнеты и получил шесть боевых наград... Честно отдал жизнь за родину... Да будет же мир его праху на боевом поле, которое стало его славной могилой» [107] (Рис. 5). 3 (16) сентября та же газета написала о поручике Н. Ф. Кривошееве. Он окончил владивостокскую гимназию и поступил в Томский технологический институт, но с началом войны перевёлся в Иркутское военное училище. «Пылкая душа тянула молодого офицера на ратное дело для защиты родины, и он 1 сентября по настоятельной просьбе был откомандирован от училища в действ-

Рис. 4. Некрологи павших на войне приморцев. Подполковник Павлов [111].

ющую армию, где через месяц проявил свои познания в разведочной службе, за что был награждён орденами за боевые подвиги. 25 июля [1916 г.] при наступлении полка, в коем он служил с вверенной ему командой... был сражён пулей в голову» [117] (Рис. 6).

Некрологи в дальневосточных газетах как бы «одушевляли» идущую войну, рассказывая о трагедиях настоящих живых людей, солдат-приамурцев, которые в ней участвовали. Но, конечно, этот источник давал не картину войны в целом, а скорее биографическую информацию об отдельных людях.

Солдатские письма с фронта встречались на страницах газет в 1914–1915 гг. Когда мы говорим о солдатских письмах Первой мировой войны, нужно иметь в виду три немаловажных обстоятельства. Во-первых, согласно Временному положению о военной цензуре от 20 июля 1914 г., все почтовые отправления из местностей, объявленных на военном положении, проходили через военную цензуру [37,

Рис. 5. Некрологи павших на войне приморцев. Корнет Даттан [107].

с. 49–50], и те из них, которые содержали сведения, «не подлежащие оглашению», конфисковались и не доставлялись по назначению [37, с. 58–59]. Как писал один солдат-приамурец, «Место отправления – секрет. Что делаем – секрет, куда идём – секрет, всё – секрет. Вот, дорогой К., и напиши письмо при таких условиях» [131]. Во-вторых, сама публикация в газетах живых свидетельств участников войны встречала трудности из-за цензуры печати. В-третьих, редакции газет просили своих читателей присылать для публикации письма из действующей армии «ввиду значительного общественного интереса таких документов». Но проверить их подлинность они не могли. Не исключено, что многие из этих писем были выдумкой, как это было и с письмами с фронта, печатавшимися во французской прессе.

Первые два письма появились в № 277 «Дальнего Востока» в декабре 1914 г. «Дорогие мои братцы! – писал автор первого. – Я в настоящее время жив и здоров, только ранен в левую ногу выше колена пулей. Рана моя неопасна и подживает. Нахожусь в городе Холме... До октября месяца пришлось быть в бою 13 раз (в августе и сентябре)... Начали драться за рекой Саном и бились день и ночь, не выходя из окопов до 11 октября. Меня ранило 11 октября рано утром... Такие жестокие бои были, что жутко смотреть, и как Бог бережёт, подумаешь. Первый бой наш за рекой Бухтам. Сильное сражение было. Покинул неприятель орудия и много снарядов, и сухарей, и мяса, и табачку, чаю, сахару. Город Жолков брали... Потом повернули назад в Холмскую губернию... Наши две дивизии австрийских три корпу-

Рис. 6 Некрологи павших на войне приморцев. Поручик Кривошеев [117].

трн наступлении под Варшавой: «Был ад. Рвѣтся шрапнель, трещат пулемѣты, частый ружейный огонь, стоны раненых... Это письмо пишу вам на привале – остановились ночевать в деревне...». Автор другого, датированного 21 ноября, капитан Василий Козьмин, рассказывал о том, как он был контужен 12 (25) ноября: «Холодно сидеть на позиции... Недалеко вправо виднеется деревня. Решили сходить погреться и попить чайку... Противник знал, что мы в деревне, и начал кидать

са разгромили и ихнюю артиллерию. Взяли в плен 1 000 солдат, 1 генерала и врачей; забрали 34 орудия и погнали его опять в Австрию. Почти каждый день бой был и всё наша брала... Бои всё продолжаются... Всё поле устлано трупами» [122, с. 115–116].

«Дорогой товарищ! – начиналось второе письмо. – Я уже два раза был в бою. Первый раз 9 ноября в 25 верстах от Лодзи. Целый день шёл большой снег, и ничего не было видно. Мы целый день шли вперед, и, когда мы рассыпались в цепь и прошли версты полторы, стал слышен визг пуль. Сначала было неприятно, но потом будто бы так и надо... Когда увидели, что и они бегут на нас, то я сначала было трусил, когда они были далеко, но когда сбежались, то я уже не помню, сколько их заколол, но, говорят, что трёх положил... Второй раз были в бою 11 ноября тоже под Лодзью, верстах в 40... Мы целую ночь стреляли, и на утро оказался целый сугроб немцев убитых... Я... увидел, что за трупами немцы роют окопы... Ротный приказал: „Вперёд“, и мы разбили их в пух и прах. Я даже двоих заколол и получил за это Георгия 4-й степени» [122, с. 116].

Хотя эти письма написаны в характерном для начала войны приподнятом тоне, они уже отражают первые впечатления солдат от ужасов войны («такие жестокие бои были, что жутко смотреть», «все поле устлано трупами»). Несколько раз упоминаются военные реалии: окопы, свист пуль, штыковые схватки. Показательно, что оба автора писем в этих первых же боях были ранены. Эта тенденция наблюдалась и в дальнейшем – многие письма были отправлены из лазаретов и госпиталей, где их авторы лечились от полученных ранений.

В благовещенской газете «Эхо» также появлялись солдатские письма. Два из них напечатаны в номере от 24 декабря 1914 г. Одно было написано 21 октября бывшим служащим благовещенского банка. В нём рассказывается об участии автора в русском кон-

туда своими артиллерийскими снарядами. Один из снарядов влетел в нашу хату, снёс череп солдату... ударился в печку и взорвался... Я потерял сознание, но вскоре очнулся... От следующих снарядов пришлось укрыться за домом...» [29].

Особенно много солдатских писем с фронта опубликовано в январе – мае 1915 г. На страницах газеты «Дальний Восток» они печатались под рубрикой «Приамурцы на войне. Письма из армии». Авторы многих описывали своё участие в сражениях войны. Некоторые из них бодры и полны оптимизма относительно возможности скорой победы. «Вот уже месяц, как я нахожусь на войне. Был несколько раз в боях, но, слава Богу, остаюсь жив... Наше войско лучше ихнего, дух бодрый, выглядят молодцами. Мы много брали в плен у них, большей частью стариков и молодёжь... Наши потери были ничтожны сравнительно с немецкими». «Дух русской армии превосходный... Кормят превосходно...» [123]. «Мы третий день отдыхаем в немецких окопах, выбили их из этих окопов штыками... Охота драться. Я сейчас привык, ничуть не страшно и не боязно... Пули летят, как град. У нас их не боятся, не страшно. Многих ранят пулями, он и внимания не обращает и продолжает наступать. Всем охота добраться до штыков. Как в штыки – немцы другие от страху падают и бегут куда попало. Тогда мы над ними злобу вымещаем... Наши офицеры с нами обходятся хорошо, как со своими товарищами шутят. На войне сильно весело жить... Бог даст, если вернусь, будет, что рассказать...» [125]. «На нашем фронте вообще дела очень хорошо идут, вперед, всё вперед; но главное всего много, как фуража, так для солдат съестных припасов» [126]. «Я... как пойду в атаку, так сразу беру в плен... Неприятеля бьют очень здорово...» [129].

Встречаются и письма, написанные в совершенно другом тоне. Раненый под Лодзью солдат пишет домой (в «Дальнем Востоке» это письмо помещено 6 января 1915 г. под номером XXVII): «Милые родители! Не дай Бог, что здесь делается... Настоящий ад» [124]. Автор письма из номера от 14 января, рассказывал: «Последнее время происходят частые бои. Наш корпус везде гонит немцев. При переезде по дороге я видал очень много убитых лошадей, местами так и лежат вдоль дороги в один ряд. В поле, куда не взглянешь, везде чернеют убитые лошади и люди. Видал местами много убитых немцев: так и лежат полный двор, словно усеянный. Попадались среди них и наши солдаты... По дороге видал массу немецких зарядных ящиков и поломанных повозок, массу поломанных ружей, касок, снарядов и всякой всячины. Видел в одном селе разбитый германскими снарядами польский костел. Везде сгоревшие дома, а около них валяются трупы убитых. В деревне люди попадают и многие плачут, что немцы у них всё отобрали и оставили голодными» [127]. Другой автор в письме, которое было опубликовано в «Дальнем Востоке» 16 января, рассказывает о бытовых неудобствах, испытываемых солдатами на войне: «Я чувствую сильную усталость, так как постоянное недоедание и недосыпание дают себя знать. Спать приходится кое-где и кое-как, на соломе, не раздеваясь... Почти у всех насекомые, да и немудрено, когда постоянно находишься в грязи. Погода здесь стоит отвратительная, грязь непролазная, дождь и снег, который сейчас же тает...» [128]. В феврале жалобы на плохую погоду и питание становятся более частыми. «День и ночь беспрерывно шёл бой. Под градом неприятельских

снарядов и ружейных пуль, переносили холод и голод. В окопах вода, ночью сидишь только на корточках, да и то некогда, потому что надо пушки заряжать и стрелять. А снаряды врагов всё летят и рвутся то впереди, то позади, то над нашими головами вверху. То приходится скорее бегом переезжать с одной горы на другую и снова копать окопы и стрелять, а тут горе ещё новое, что день и ночь льёт беспрерывно идёт дождь. Кругом вода и грязь. Есть приходилось только одни сухари, да воду, да и тех ещё нет. По три-четыре дня приходилось совершенно голодом быть не евши» [130].

Эти письма содержат многое из того, что солдат Первой мировой хотел бы рассказать своим родным дома. Плохая погода, плохое питание, сырость и грязь в окопах, вши, усталость, страх, поля битв, заваленные телами павших. Один солдат писал: «Вчера я, например, обошёл позиции, где перед этим был бой, Боже мой, что за картина!» [132]. Автор другого письма сообщил, что в его полку после совершения многих подвигов осталось 500 человек [133], одна восьмая от штатного расписания.

Несколько писем с фронта появилось в газетах Николаевска-на-Амуре. Самое длинное опубликовано в «Амурском лимане» 1 (14) марта 1915 г. Оно подписано инициалом «А.»: «Вот уже около 3-х месяцев нахожусь в таких условиях, что ежеминутно можно ожидать или смерти, или ранения, кроме того, были такие дни, что, казалось, всё пропало, прощай жизнь...» Автор подробно описывает один бой, в котором участвовал, по всей видимости, осенью 1914 г.: «Немецкая артиллерия буквально осыпала снарядами весь наш участок... Видимо, у них снарядов в изобилии... Около меня снарядом уб.[ило] 2 стр.[елков], 12 ран.[ило] и убило 3-х лошадей. Эта картина огня и смерти никогда не изгладится из моей памяти... Это целый ад...» В письме описан также вид поля недавнего боя: везде кучи брошенного оружия и амуниции, во всех деревенских домах полно раненых: «Я прошёл места сражений на протяжении 6 вёрст и всюду трупы, трупы, трупы... Вообще это картина ужасная, и я впоследствии избегал смотреть поля сражений...» [114].

22 марта (4 апреля) в хабаровской газете «Приамурье» опубликовано письмо, написанное раненым офицером, находившимся на излечении в варшавском госпитале: «...У нас в полку, кроме меня, находятся ещё два бывших хабаровца-кадета С. (младший) и Ш., которые тоже ранены и эвакуированы в тыл армии. На позициях встретил нашего К., который мне сообщил, что Э. Г. убит: ему оторвало снарядом обе ноги. Из наших хабаровцев Н. Ч. убит, Валя З. попал в плен, брат его, Коля, сошёл с ума, а старший, Иннокентий, убит...» [113]. Очевидно, что чем дольше шла война, тем больше таких писем отправлялось с фронта. 23 апреля (6 мая) 1915 г. в одном из писем в «Далекой окраине» выражалась усталость солдат от окопной жизни: «Беспрерывные бои... Нервы у всех одеревенели. Мне кажется, что я на войне не 5 месяцев, а несколько лет. О конце никто не думает. Молча делают своё дело...» [112].

Публиковавшиеся в газетах письма с фронта позволяли читателям газет во Владивостоке, Благовещенске и Николаевске почувствовать хотя бы часть того ужаса, в котором оказались их земляки на войне. Однако этот источник носил описательный характер, и редакции изданий, в которых он печатался, ни разу не попытались на его осно-

вании сделать собственные обобщения и выводы. Тем более вправде мы ожидать такой аналитичности в публикациях, которые заведомо относились к аналитическому жанру. Речь идёт о военных обзорах. Они более-менее регулярно появлялись только в некоторых газетах, прежде всего в тех же «Дальнем Востоке» и «Далекой окраине». В «Далекой окраине» их писал «Новиков-Сибирский» (присяжный поверенный М. Вознесенский). Эти обзоры основывались на сводках Ставки и публикациях московской и петербургской прессы и были либо комментированием первых, либо пересказом вторых. Несмотря на это, их изучение может позволить лучше понять развитие общественных настроений на Дальнем Востоке, поскольку тон статей менялся в зависимости от того, как развивались военные действия.

С самого начала, ещё до публикации первых сведений о военных потерях, в дальневосточном обществе существовало понимание масштабов разворачивавшейся катастрофы. В августе 1914 г. в передовой статье владивостокской газеты «Русский Восток» «Новая битва народов» было написано: «Человечество призвано пережить одну из страшнейших страниц своего существования, перед которой побледнеют все ужасы прежних войн...» [53]. В «Уссурийском крае» Н. С. Арефьев рассуждал, что даже самые крупные сражения на фронтах вряд ли дадут полную победу одной из сторон [48]. По мнению журналиста, война была слишком грандиозной, чтобы закончиться одним сражением, и для победы могло понадобиться много битв. Такого же мнения придерживался Новиков-Сибирский. 24 августа (6 сентября) в статье «Длительность войны» он также писал, что война может не быть короткой [93].

Во второй половине августа 1914 г. на восточном и западном фронтах Великой войны развернулись ожесточённые сражения. В «Очерках войны» Новиков-Сибирский рассказывал, что Германия напрягает в войне все силы, «чтобы сломить сопротивление французской армии», однако выражал уверенность, что положение союзников вскоре облегчит русская армия, которая займёт Восточную Пруссию и Галицию и начнёт наступление на Вену и Берлин [84]. На деле в Восточной Пруссии русская армия была разгромлена немцами, но в Галиции смогла одержать победу над австрийцами. Обозреватель газеты «Дальний Восток» выражал «уверенность в конечной победе», в том, что теперь «русская армия может продолжить своё победоносное шествие к Пржемышлю и Кракову, со взятием которых войну с Австрией можно будет считать решённой для нас в благоприятном смысле». О поражении в Восточной Пруссии он упомянул вскользь: «Мелкая неудача... постигла нас на прусском фронте...» [17]. Впрочем, это объясняется тем, что никаких подробностей об этой неудаче у журналистов, конечно, не было.

Битву на Марне, в которой было остановлено наступление германской армии на Париж, Новиков-Сибирский сравнивал с произошедшей в этих же местах битвой на Католаунских полях 451 г., а также с Бородинской битвой 1812 г. [86]. В начале сентября телеграммы сообщали об отступлении немцев от Парижа. Военный обозреватель «Дальнего Востока» писал, что «операции наших союзников... увенчались успехом – враг отступает по всему фронту... Инициатива в руках французов, план немцев оказался разбитым» [18]. Новиков-Сибирский уверял, что в сражениях «одержит победу тот, кто сумеет

в нужную минуту бросить на весы судьбы свежие резервные части», что резервов у союзников больше, и что «в этом обстоятельстве лежит залог успеха союзной армии» [85]. Под влиянием победных сводок Ставки, сообщавших о полном разгроме австро-венгерских армий в Галиции, он приходил к выводу, что «судьба Западной Галиции решена» [67], развал австро-венгерской монархии неизбежен [92], а, разгромив Габсбургов, российская армия возьмётся за Гогенцоллернов [57], «покроет себя новой славой и завоюет миру быстрый и прочный мир» [82]. Газета «Русский Восток» также рассказывала, что на Немане «пруссакам нанесён сокрушительной силы большой удар. Ещё несколько таких ударов, и озверелый враг принужден будет сдаться на всех позициях и воззвать к милости победителя» [16]. В противоположность этому газета «Приамурье», хотя и выражала сдержанное удовлетворение успехами русской армии [32], при этом уже 25 сентября (8 октября) 1914 г. написала в передовой статье, что «война не может кончиться скоро» [43].

В октябре 1914 г. германская армия подступила к Варшаве, столице русской Польши. Новиков-Сибирский сравнивал это сражение с битвой под Москвой в 1812 г.: «В великих испытаниях закаляется народный дух, на полях великой битвы на Висле зарождается новая Россия, перед силой внутренней духовной и внешней героической красоты которой преклонится мир... Загораются зори светлого будущего общеславянского освобождения» [54]. Это наступление немцев было отражено. В «Русском Востоке» утверждалось, что «с Востока приближается к империи Гогенцоллернов роковой день» [14]. Как писал Новиков-Сибирский, «создалось положение разобщённости действий германских и австрийских сил... наше стратегическое положение значительно усилилось» [68], теперь начнётся «решительное русское наступление на запад» [63]. Даже неудачи русской армии не поколебали уверенности публицистов. По словам Новикова-Сибирского, «в ряды германской армии начинает всё более и более проникать чувство утомления и деморализации» [69], «положение по-прежнему для нас, русских, продолжает быть благоприятным», «в пределах Восточной Пруссии наши войска продвигаются всё далее вперёд», а «на юге наши армии подошли уже близко к Кракову» [81].

В декабре начиналась зима, и стало понятно, что война затягивается. Тогда у Новикова-Сибирского впервые появился мотив войны на истощение: «германское наступление окончательно и на всех фронтах остановилось» [58]. Хотя русское наступление также выдохлось, журналист оптимистично предполагал, что «наши ресурсы ещё только что затронуты... В случае нужды... мы сможем выставить 17-миллионную армию, а вооружить её нам помогут союзники и нейтральные страны, как Америка... И тогда мы победим...» [66]. 1 (14) января 1915 г. Д. Бобров писал в «Дальнем Востоке», что немцам нанесены «громовые удары», но добавлял, что они ещё не разбиты: «Мечты и завоевателей, и защитников родины скоро покончить кровавую и тяжёлую борьбу остаются только мечтами, а действительность говорит, что борьба будет долгой, беспощадной и упорной» [12]. В статье А. Светлова «Война ради мира» общество призывалось «помнить, что великие цели требуют великих усилий...» [135]. Такую же мысль выражал Новиков-Сибирский: «Великие проблемы истории народов не разрешаются без жертв» [64]. Правда, он не мог объяснить чита-

телям, сколько времени потребуется для «разрешения великих проблем истории» и какую цену в итоге придётся за это заплатить. Но этот вопрос не интересовал журналиста, который смотрел на войну идеалистически и имел весьма смутные представления о том, что из себя представляют военные действия. Хотя к этому времени он уже читал письма с фронта, печатавшиеся в той же «Далекой окраине», и имел сведения о том, что счёт убитых и раненых уже пошёл на миллионы, но на его настроение это не сильно повлияло, пока можно было верить, что победа неизбежна.

Однако до марта 1915 г. у владивостокского журналиста были основания для оптимизма. 11 (24) марта газеты напечатали телеграмму: «Сегодня утром, 9 марта крепость Перемышль сдалась нашим войскам» [137]. Новиков-Сибирский назвал взятие этой крепости «фактом громадного политического и стратегического значения» [89]. Согласно сообщению Ставки Верховного главнокомандующего, в Перемышле «сдалось 117 000 боеспособных солдат» [143]. Д. Бобров в «Дальнем Востоке» рассуждал о том, что «могучий гений побед не даёт вернуться к спячке и забыть великое, поставленное перед нами дело истории... Сегодня наш праздник..., и впереди стоит светлое торжество...» [13]. Новиков-Сибирский писал, что «стратегическое положение русских армий на всех фронтах никогда ещё не было столь благоприятным для нас, как в данный момент» [65]. Он отрицал саму возможность заключения Россией сепаратного мира с Германией, поскольку «мы и наши союзники не можем и не должны останавливаться на полдороге» [91]. В «Дальнем Востоке» говорилось, что будто бы для врага «наступают последние дни расплаты» [30], что вооружённым силам Франца Иосифа наносится «последний удар» [26].

Это было написано в середине апреля, накануне начала наступления германской армии, сразу повернувшего ход военных действий на восточном фронте не в пользу России.

В самом начале германского наступления, пока военные сводки Ставки сообщали об отбитии всех атак и нанесении противнику «огромных потерь», авторы дальневосточных газет оценивали положение оптимистично. По их словам, «кайзеру приходится бросать на помощь разгромленным австрийцам свои корпуса» [31], «всё это естественно, и всё это не страшно», любая попытка заговорить о каком-то мире должна стать «общественным преступлением» и вызывать «бурю негодования» [11]. 8 (21) мая Новиков-Сибирский в «Очерках войны» призывал «быть спокойным за результат этих последних попыток войск Вильгельма и Франца Иосифа сокрушить мощь русских армий», так как «неприятель может иметь успех только в течение того времени, какое нужно для сосредоточения достаточных сил для парирования вражеского наступления», «и этот момент недалёк» [70]. Он не знал, что «достаточных» сил у России уже не было, и 13 (26) мая продолжал уверять читателей, что «эта последняя отчаянная попытка германского штаба нанести чувствительный урон русским армиям, отбросить их как можно далее на восток... обречена на неудачу» [71].

С середины мая 1915 г. публикации Новикова-Сибирского отражают изменение хода войны в неблагоприятную для России сторону. В это время он писал, что «гигантская борьба за целостность, свободу и честь России требует полного напряжения всех государственных ресурсов, расходования колоссальных средств» [40], что российской

интеллигенции нужно не терять душевного равновесия из-за «некоторых частичных неудач» и «твёрдо верить в конечную победу» [62], отступление армии объяснял «стратегическими соображениями», стремлением сберечь силы для нового наступления, потому что «запас людей у Германии должен быть вскоре уже на исходе» [72]. 21 мая (3 июня) Перемышль, взятие которого торжественно праздновалось в России 11 (24) марта, был отобран обратно неприятелем. Н. Морев писал в «Дальнем Востоке», что залог успеха в армии, а не в территориальных выигрышах [45]. В других публикациях эти авторы утверждали, что и падение захваченного в августе 1914 г. Львова – столицы Галиции «не может повлиять на результат мировой войны» [73], что самое главное – сохранить для будущих сражений армию [46]. 22 июля (4 августа) русские войска оставили Варшаву. В августе «рухнула русская крепостная оборона в Польше: крепости оставались одна за другой, так как полевые армии отходили на восток» [102, с. 112–113]. Журналисты стали писать, что не крепости, а «армия – вот щит России», а «армия же наша по-прежнему крепка и грозна» [47]. Между тем армия продолжала откатываться на восток, неся большие потери убитыми, ранеными и пленными. По данным военного историка М. В. Оськина, за семнадцать месяцев, с начала войны до конца 1915 г., русская армия потеряла на всех фронтах 4,36 млн. чел., в том числе 1,74 млн. пленными [103, с. 187, 190].

Из частных газет постепенно исчезли рассуждения о «великих задачах войны». Новиков-Сибирский писал о необходимости «объединения всех живых сил страны», «всё во имя победы, всякие жертвы ради торжества родины, во имя торжества идей гуманности, свободы отдельных народностей, ради лучшего светлого будущего» [56] – «чем важнее, чем выше цель... тем более должны быть велики усилия, тем более велики жертвы» [59]. В его обзорах постоянно говорилось, что «великая война требует великих жертв», «мы должны вложить в эту борьбу все наши силы» [74], «нужно принести величайшие жертвы... отдать всего себя без оговорок и жалких слов на служение родине, мировой цивилизации... пожертвовать личным счастьем, личным интересом, личным имуществом...» [41] (Рис. 7). «Поднимемся на врага миром, отстоим грудью наследие отцов наших... Поднимемся во имя дорогих заветов нашего прошлого», – восклицал сотрудник газеты [90].

Необходимость победы журналисты объясняли не так, как в начале войны. Если в 1914 г. речь шла об исторической миссии России – защитницы слабых и угнетённых, то в 1915 г. читателей уверяли, что, проиграв войну, Россия будет «стёрта с земли» [116], будет ограблена Германией, разорена [44]. Вместо великой спасительницы народов Россия представлялась жертвой идущей войны.

Наступление вглубь России дорого стоило германской армии. Осенью оно было остановлено к северу и югу от Полесья. Но из туманных описаний было сложно понять, что именно происходит на фронте, чья сторона отныне берёт верх. Не знал этого и Новиков-Сибирский, в чём он честно признался 27 ноября (10 декабря): «О будущем ходе войны и о планах противников мы – простая непосвящённая публика – имеем такие же гадательные представления, как и о том, что происходит на Марсе» [75]. На самом деле такие «гадательные представления» о войне публика имела с самого начала, но для

осознания этого понадобилось воевать целый год. В этих условиях публицисту оставалось только надеяться, что «мир, обновлённый, омытый кровью мучеников за идею освобождения от зла человечества, заблестит новой красотой, и человеческая история украсится новыми, великими и святыми делами» [55].

Новый, 1916-й, год дальневосточная пресса встретила настороженно, но, как обычно, с надеждой. В «Дальнем Востоке» прошедший

Рис. 7 Первая полоса газеты «Далекая окраина» от 8 июля 1915 г. со статьями М. Вознесенского «Залог победы» и «Очерки войны», содержащими «белые пятна» – следы работы цензора [41].

год назывался «годом несбывшихся надежд», который принёс «много разочарований» [142]. «Но если в этом году не суждено будет смолкнуть орудиям, и если наша Россия потребует от нас новых и новых жертв – мы все, как один человек, встанем на защиту родной земли нашей! Пусть тогда годы длится великий пожар и бушует страшный огонь, унося массу жертв – мы не сдадимся врагу...» – так писала «Далекая окраина» [139]. Разумеется, это было написано людьми, которые имели младенческие представления о войне и сами не рисковали отправиться «на защиту родной земли», чтобы там, на фронте, в серой солдатской шинели с винтовкой в руках бороться с «германизмом», но призывали к совершению таких подвигов своих не более осведомлённых читателей.

Тем не менее к весне 1916 г. в обществе возникли сомнения в целях войны. Появилось мнение, что из войны все страны выйдут «усталыми, разорёнными, лишёнными каких-либо запасов» [118], что «ныне едва ли найдётся много достаточно легковёрных людей, которые считали бы, что нация больше никогда не подымет руки на нацию... в головах народов всё чаще начинает вставать тревожная мысль... о будущей войне...» [5], что война несёт с собой «падение китайских стен наших старых понятий» и «новые ценности» [52]. В растерянности авторов перед «новыми ценностями» просматривается страх, что вместо победы на фронтах война может принести в Россию новую революцию [134, с. 139].

В 1916 г. военные обзоры на Дальнем Востоке чаще всего продолжал писать Новиков-Сибирский. На западном фронте в феврале германская армия начала наступление на французскую крепость Верден. Сначала Новиков-Сибирский считал, что победа на стороне французов: «французы начинают теснить германцев всё более и более», «горы человеческих трупов солдат германской армии растут и растут» [87], немцы терпят «большое поражение» [88]. Однако в мае ему пришлось признать, что исход сражения не решён: «Последние известия с французского фронта вновь говорят о некотором успехе германцев» [83], «положение у Вердена за последние дни значительно осложнилось для наших союзников» [76].

22 мая (4 июня) 1916 г. Юго-Западный фронт А. А. Брусилова перешёл в наступление против австро-венгров в Галиции, уже бывшей ареной ожесточённых сражений в 1914 и 1915 гг. Новиков-Сибирский предположил, что успешное наступление русских в Галиции заставит немцев отозвать войска из Франции [77]. 1 (14) июня он с восторгом писал: «Наш народный герой генерал Брусилов нанёс врагу громадный удар... Снова русские полки, как встарь велось, гонят из пределов земли Русской... дерзкого врага, замыслившего расчлениить великую Россию, обесславить её, унижить...» [78]. В последующие дни он говорил о «громадном» стратегическом значении победы [79], о «блестящих успехах» русского оружия, но при этом предостерегал от переоценки значения этой победы и этих успехов [80]. Делавшиеся в «Дальнем Востоке» обзоры прессы показывали в ней схожие настроения. 2 (15) июля газета писала, что австрийская армия совершенно разбита, и «при энергии союзников можно считать развязку сравнительно близкой» [96], но уже 5 (18) июля со ссылкой на британскую газету «Times» напоминала, что «в этой войне нет таких путей, которые вели бы напрямик к быстрой победе» [141].

19 июля (1 августа) 1916 г. начинался третий год мировой войны. Этой дате была посвящена статья В. А. Панова «На пути к победе (19 июля 1914–1916 г.)». Анализируя ход войны, редактор газеты «Дальний Восток» писал, что время на стороне России и её союзников [109]. В другой статье из этого номера «Дальнего Востока» говорилось, что Германия уже растратила «свою живую материальную силу» в войне на истощение, и её поражение всё ближе и ближе [51] (Рис. 8).

На самом деле войне было суждено продлиться ещё более двух лет. И ко времени её окончания в 1918 г. в России уже произошла революция и шла Гражданская война. Уже в 1917 г. события Первой мировой в общественном сознании отошли на второй план. Поэтому можно порассуждать на тему того, какой образ войны успел сформироваться в дальневосточном обществе и как он повлиял на развитие общественных настроений и ситуации в стране в целом.

Поскольку о войне чаще всего писали только газеты для буржуазии и интеллигенции, можно предположить, что война не пользовалась популярностью в широких слоях общества. Население на Дальнем Востоке она затрагивала непосредственно, только когда проходили патриотические манифестации и мобилизации. Отношение же к ней в образованных слоях было идеалистическим и определялось плохими знаниями о том, что происходит на фронте. Масштабы войны, количество мобилизованных солдат, беспрецедентная стоимость не беспокоили общество до тех пор, пока существовала уверенность в скорой победе и тех выгодах, которые эта победа обещает России и чуть ли не всем классам и сословиям. Такие настроения сохранялись с июля 1914 до мая 1915 гг., в период, когда телеграф время от времени приносил известия о крупных победах русской армии, таких, как взятие Львова или Перемышля. Из печатавшихся в газетах солдатских писем с фронта было видно, что сражения представляют собой ад, а повседневная жизнь в окопах тяжела. Из публиковавшихся отрывочных данных статистики становилось понятно, что людские потери в войне достигают миллионов человек: убитых, раненых, пропавших без вести и попавших в плен. Но эти цифры воспринимались отрезанно, укрепляя военных обозревателей в том, что Россия победит, потому что людские ресурсы у неё и союзников больше, чем у противников. Весь ужас ситуации не осознавался в полной мере, в чём есть и немалая вина цензуры, скрывавшей подробности сражений и вообще всего, что происходит на фронте, из опасения подорвать дух народа. Поэтому, хотя о войне писали и говорили очень много, но все представления о ней были туманными и однообразными, чему способствовал и сам ход военных действий, в которых то одна, то другая сторона брала верх, но никто не мог добиться полной победы. В результате у образованных городских слоёв не возникало никакого осознания единения с истекающей кровью в тяжёлых часто неравных боях армией, которая состояла в основном из малограмотных и вовсе неграмотных крестьян. Предполагалось, что армия просто должна победить врага в силу своей многочисленности и морального превосходства.

Однако с каждым годом надежды на скорое окончание войны меркли. Выявилась ошибка в первоначальной военной пропаганде. Призывы к борьбе против милитаризма за вечный мир предполагали достижение победы через всеобщее патриотическое воодушевление,

Рис. 8 Вторая половина газеты «Дальний Восток» от 19 июля 1916 г. со статьями о войне [51; 109].

порыв, которые могли работать только короткое время. Затягивание военных действий привело к осознанию того, что все кровопролитные сражения и потери остаются бесплодными. Оказалось, что современная война требует не порыва, а долгой работы и многих жертв как от солдат на фронте, так и от гражданских лиц в тылу. Сотрудники га-

зет попытались переориентировать своих читателей на то, что никакие победы не могут привести к победе, что борьба идёт на истощение и в этих условиях необходимо «терпеть» и «всем пожертвовать» ради защиты Родины. Но общество не было готово к этому и чувствовало себя обманутым и разочарованным. Население страны охватывали чувства усталости и безразличия. С 1915 г. всё меньше говорили о «великих задачах» войны, которая в это время воспринималась не как праздник, начало расцвета России, а как катастрофа, непредсказуемая по последствиям. В этих условиях решающим фактором становились не военные действия на поле боя (которые и в прессе изображались как представляющие чисто академический интерес для интеллигенции), а фактор внутренней сплочённости общества, осознания и принятия им целей войны, готовности идти на жертвы для их достижения. С этим в России не всё было благополучно, что показал приближающийся 1917 год.

Литература

1. Агапов В. Л. Приамурцы на Первой мировой войне глазами владивостокской прессы 1914–1917 гг. // Военно-исторический журнал. 2015. № 7. С. 45–49.
2. Агапов В. Л. Солдатские письма с фронта Первой мировой войны в дальневосточных газетах 1914–1915 гг. // Россия и АТР. 2015. № 4. С. 169–181.
3. Алфёрова И. В., Блохин В. Ф. «Гасильник народного духа»: цензурные ограничения в освещении героизма фронтовиков во время Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2017. № 3 (53). С. 63–83.
4. Амурский лиман. 1915. 8 февраля. С. 1.
5. Балин К. Заботы о будущем // Далекая окраина. 1916. 10 апреля. С. 1.
6. Бережной А. Ф. Русская легальная печать в годы первой мировой войны. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1975. 152 с.
7. Бирюков-Приамурский. Мировая война. Крушение австро-германского плана (окончание) // Дальний Восток. 1915. 4 января. С. 2–3.
8. Близок ли конец войны // Дальний Восток. 1915. 31 августа. С. 1.
9. Блохин В. Ф., Алфёрова И. В. Предавание административной старины: «белые пятна» на страницах российских газет (вторая половина XIX – 1917 год) // Новый исторический вестник. 2016. № 3 (49). С. 32–48.
10. Блохин В. Ф. Военная цензура периода Первой мировой войны и периодическая печать «армейских районов» (на материалах газеты «Волынь») // Цензура в России: история и современность. Сборник научных трудов. – СПб.: б. и., 2017. С. 169–186.
11. Бобров Д. Девятый вал // Дальний Восток. 1915. 19 апреля. С. 2.
12. Бобров Д. Мечты и действительность // Дальний Восток. 1915. 1 января. С. 2.
13. Бобров Д. Наш праздник // Дальний Восток. 1915. 15 марта. С. 1.
14. Вакуловский А. Наброски // Русский Восток. 1914. 17 октября. С. 2.
15. Вечерние телеграммы. От Штаба Верховного Главнокомандующего // Далекая окраина. 1915. 25 апреля. С. 6.
16. Владивосток, 24 сентября 1914 г. // Русский Восток. 1914. 24 сентября. С. 2.
17. В. Н. Ход военных действий // Дальний Восток. 1914. 24 августа. С. 2.
18. В. Н. Ход военных действий // Дальний Восток. 1914. 7 сентября. С. 2.
19. Военная публицистика // Дальний Восток. 1915. 11 сентября. С. 2.
20. Военная статистика // Далекая окраина. 1915. 17 мая. С. 2.
21. Германия и военные запасы // Дальний Восток. 1915. 4 августа. С. 1.
22. Германские потери и немецкое засилье // Далекая окраина. 1915. 20 мая. С. 2.
23. Длительность войны // Дальний

Восток. 1915. 3 января. С. 2–3.

24. Длительность войны // Приамурская жизнь. 1915. 6 января. С. 2.

25. Езоп. Война // Уссурийский край. 1914. 25 июля. С. 3.

26. Забельской. Значение карпатской операции // Дальний Восток. 1915. 16 апреля. С. 2.

27. Забельской. Потери германской армии // Дальний Восток. 1915. 3 марта. С. 1.

28. Задача человечества // Дальний Восток. 1915. 10 октября. С. 1.

29. Из писем благовещенцев с войны // Эхо. 1914 (1915). 24 декабря (5 января). С. 4.

30. Иринский. Весенние потоки // Дальний Восток. 1915. 15 апреля. С. 2.

31. Иринский. Решение участи Австро-Венгрии на Карпатах // Дальний Восток. 1915. 19 апреля. С. 2.

32. Итоги двух месяцев войны // Приамурье. 1914. 21 сентября. С. 2.

33. Как защищался Осовец // Дальний Восток. 1915. 3 сентября. С. 1.

34. Караман В. Н., Рыкунов Д. Э. Письма Первой мировой войны в газете «Дальний Восток» // Ойкумена. 2014. № 2 (29). С. 117–136.

35. К оставлению Перемышля // Дальний Восток. 1915. 6 июня. С. 1.

36. Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. 1914–1915. – Минск: Харвест, 2003. 448 с.

37. Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. 1916. – Минск: Харвест, 2003. 672 с.

38. Лорд Китченер о войне // Дальний Восток. 1915. 3 февраля. С. 1.

39. Матюшенский А. И. Вниманию объявителей // Благовещенское утро. 1914. 5 августа. С. 1.

40. М. В. Подписывайтесь на заём! // Далекая окраина. 1915. 15 мая. С. 1.

41. М. В. Залог победы // Далекая окраина. 1915. 8 июля. С. 1.

42. Мир? // Дальний Восток. 1915. 6 сентября. С. 1.

43. Мир ещё в большем отдалении // Приамурье. 1914. 25 сентября. С. 2.

44. Михайлов. Мир – разорение // Далекая окраина. 1915. 12 сентября. С. 1–2.

45. Морев Н. К оставлению Перемыш-

ля // Дальний Восток. 1915. 24 мая. С. 1.

46. Морев Н. Оставление Львова // Дальний Восток. 1915. 13 июня. С. 1.

47. Морев Н. Падение крепостей // Дальний Восток. 1915. 9 августа. С. 2.

48. Н. А. Около войны // Уссурийский край. 1914. 9 августа. С. 2.

49. Наше положение // Дальний Восток. 1915. 2 августа. С. 2.

50. «Не надо спешить». Хабаровск, 14 января 1915 г. // Приамурская жизнь. 1915. 14 января. С. 3.

51. Неоправдавшиеся надежды Германии // Дальний Восток. 1916. 19 июля. С. 2.

52. Николаев Е. Гримасы войны // Далекая окраина. 1916. 29 мая. С. 2.

53. Новая битва народов // Русский Восток. 1914. 8 (21) августа. С. 2.

54. Новиков-Сибирский. Битва народов // Далекая окраина. 1914. 11 октября. С. 1.

55. Новиков-Сибирский. Вечная греза // Далекая окраина. 1915. 25 декабря. С. 1.

56. Новиков-Сибирский. Военное снаряжение // Далекая окраина. 1915. 9 июня. С. 2.

57. Новиков-Сибирский. Два месяца войны // Далекая окраина. 1914. 21 сентября. С. 1.

58. Новиков-Сибирский. Жестокое в жизни // Далекая окраина. 1914. 7 декабря. С. 1.

59. Новиков-Сибирский. Испытание // Далекая окраина. 1915. 14 июня. С. 1.

60. Новиков-Сибирский. На западном фронте // Далекая окраина. 1915. 1 сентября. С. 1.

61. Новиков-Сибирский. Наши жертвы // Далекая окраина. 1915. 2 апреля. С. 1.

62. Новиков-Сибирский. Общественные настроения // Далекая окраина. 1915. 16 мая. С. 1.

63. Новиков-Сибирский. Очерки войны (великие битвы) // Далекая окраина. 1914. 29 октября. С. 1–2.

64. Новиков-Сибирский. Очерки войны (в Дарданеллах) // Далекая окраина. 1915. 10 марта. С. 1.

65. Новиков-Сибирский. Очерки войны (в Карпатах) // Далекая окраина. 1915. 28 марта. С. 1.

66. Новиков-Сибирский. Очерки во-

- йны (в Польше) // Далекая окраина. 1914. 9 декабря. С. 1.
67. Новиков-Сибирский. Очерки войны // Далекая окраина. 1914. 14 сентября. С. 1.
68. Новиков-Сибирский. Очерки войны // Далекая окраина. 1914. 26 октября. С. 2.
69. Новиков-Сибирский. Очерки войны // Далекая окраина. 1914. 2 ноября. С. 1.
70. Новиков-Сибирский. Очерки войны // Далекая окраина. 1915. 8 мая. С. 2.
71. Новиков-Сибирский. Очерки войны // Далекая окраина. 1915. 13 мая. С. 2.
72. Новиков-Сибирский. Очерки войны // Далекая окраина. 1915. 20 мая. С. 2.
73. Новиков-Сибирский. Очерки войны // Далекая окраина. 1915. 10 июня. С. 2.
74. Новиков-Сибирский. Очерки войны // Далекая окраина. 1915. 28 июня. С. 2.
75. Новиков-Сибирский. Очерки войны // Далекая окраина. 1915. 27 ноября. С. 1.
76. Новиков-Сибирский. Очерки войны // Далекая окраина. 1916. 25 мая. С. 1.
77. Новиков-Сибирский. Очерки войны // Далекая окраина. 1916. 29 мая. С. 1.
78. Новиков-Сибирский. Очерки войны // Далекая окраина. 1916. 1 июня. С. 2.
79. Новиков-Сибирский. Очерки войны // Далекая окраина. 1916. 4 июня. С. 1.
80. Новиков-Сибирский. Очерки войны // Далекая окраина. 1916. 28 июня. С. 2.
81. Новиков-Сибирский. Очерки войны (на австро-германском фронте) // Далекая окраина. 1914. 8 ноября. С. 1–2.
82. Новиков-Сибирский. Очерки войны. На Восточно-Прусском фронте // Далекая окраина. 1914. 23 сентября. С. 1.
83. Новиков-Сибирский. Очерки войны (на западе) // Далекая окраина. 1916. 14 мая. С. 1–2.
84. Новиков-Сибирский. Очерки войны (на реку Маас и Самбур) // Далекая окраина. 1914. 17 августа. С. 3.
85. Новиков-Сибирский. Очерки войны (на французском театре) // Далекая окраина. 1914. 13 сентября. С. 1.
86. Новиков-Сибирский. Очерки войны (сражение под Парижем) // Далекая окраина. 1914. 29 августа. С. 1–2.
87. Новиков-Сибирский. Очерки войны (у Вердена) // Далекая окраина. 1916. 10 марта. С. 2.
88. Новиков-Сибирский. Очерки войны (у Вердена) // Далекая окраина. 1916. 24 марта. С. 2.
89. Новиков-Сибирский. Перемышль // Далекая окраина. 1915. 11 марта. С. 1.
90. Новиков-Сибирский. Под ружьё! // Далекая окраина. 1915. 19 августа. С. 1.
91. Новиков-Сибирский. Слухи о сепаратном мире // Далекая окраина. 1915. 8 апреля. С. 2.
92. Новиков-Сибирский. Судьба Австрии // Далекая окраина. 1914. 20 сентября. С. 1–2.
93. Н. С. Длительность войны // Далекая окраина. 1914. 24 августа. С. 2.
94. Обзор «Армейского вестника» // Далекая окраина. 1915. 12 мая. С. 1.
95. Обманутые в ожиданиях // Дальний Восток. 1915. 13 августа. С. 1.
96. Общее положение // Дальний Восток. 1916. 2 июля. С. 1.
97. Около войны. Германские потери // Дальний Восток. 1915. 6 июня. С. 2.
98. Около войны // Далекая окраина. 1915. 25 апреля. С. 2.
99. Около войны // Дальний Восток. 1915. 4 января. С. 4.
100. Около войны. Надежды на чудо // Дальний Восток. 1915. 17 января. С. 3.
101. Около войны. Потери германцев // Дальний Восток. 1915. 6 января. С. 3.
102. Оськин М. В. Первая мировая война. – М.: Вече, 2010. 368 с.
103. Оськин М. В. Русский солдат в окопах Первой мировой. – М.: Вече, 2018. 368 с.
104. От Главного управления Генерального штаба // Далекая окраина. 1914. 3 сентября.
105. От Штаба Верховного Главнокомандующего // Далекая окраина. 1915. 4 мая. С. 1.
106. Официальное сообщение британского военного министерства // Далекая окраина. 1914. 2 сентября. С. 2.
107. Памяти А. А. Даттана // Дальний Восток. 1916. 25 августа. С. 2.
108. Памяти добровольца Толстикова // Амурский лиман. 1915. 8 февраля. С. 1.

109. Панов В. На пути к победе (19 июля 1914 – 1916 г.) // Дальний Восток. 1916. 19 июля. С. 2.
110. Патрушева Н. Г. Первая мировая война и цензурные учреждения России // Век информации. 2015. № 2. С. 155–163.
111. Петр Александрович Павлов // Далекая окраина. 1916. 10 января. С. 3.
112. Письма из армии // Далекая окраина. 1915. 23 апреля. С. 3.
113. Письма с войны // Приамурье. 1915. 22 марта. С. 2.
114. Письмо из действующей армии // Амурский лиман. 1915. 1 марта. С. 3.
115. Позднеев Д. Воля и настойчивость // Дальний Восток. 1915. 14 февраля. С. 2.
116. Польшов К. Война // Далекая окраина. 1915. 19 августа. С. 1.
117. † Поручик Н. Ф. Кривошеев // Дальний Восток. 1916. 3 сентября. С. 2.
118. После войны // Далекая окраина. 1916. 25 марта. С. 1.
119. Потери австрийцев // Далекая окраина. 1914. 8 декабря. С. 4.
120. Потери германской армии // Дальний Восток. 1915. 2 августа. С. 2.
121. Потери германцев и австрийцев // Далекая окраина. 1914. 9 декабря. С. 2.
122. Приамурское генерал-губернаторство в годы Первой мировой войны: штрихи времени, голоса современников. Документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2014. 280 с.
123. Приамурцы на войне. Письма из армии // Дальний Восток. 1915. 4 января. С. 3.
124. Приамурцы на войне. Письма из армии // Дальний Восток. 1915. 6 января. С. 3.
125. Приамурцы на войне. Письма из армии // Дальний Восток. 1915. 8 января. С. 3.
126. Приамурцы на войне. Письма из армии // Дальний Восток. 1915. 10 января. С. 3.
127. Приамурцы на войне. Письма из армии // Дальний Восток. 1915. 14 января. С. 3.
128. Приамурцы на войне. Письма из армии // Дальний Восток. 1915. 16 января. С. 3.
129. Приамурцы на войне. Письма из армии // Дальний Восток. 1915. 23 января. С. 3.
130. Приамурцы на войне. Письма из армии // Дальний Восток. 1915. 15 февраля. С. 3.
131. Приамурцы на войне. Письма из армии // Дальний Восток. 1915. 19 февраля. С. 3.
132. Приамурцы на войне. Письма из армии // Дальний Восток. 1915. 24 февраля. С. 3.
133. Приамурцы на войне. Письма из армии // Дальний Восток. 1915. 27 февраля. С. 3.
134. Прудкогляд Т. В. Листая пожелтевшие страницы... К истории периодической печати Дальнего Востока России (1865–1917). – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2000. 240 с.
135. Светлов А. Война ради мира // Дальний Восток. 1915. 3 февраля. С. 1.
136. Свечин А. А. Общий обзор сухопутных операций // Великая забытая война. – М.: Эксмо, 2009. 588 с. С. 5–179.
137. Сдача Перемышля. От Штаба Верховного Главнокомандующего // Далекая окраина. 1915. 11 марта.
138. Семенов-Волжский. Война и печать // Дальний Восток. 1915. 8 февраля. С. 3.
139. 139. Сенцова А. Что год грядущий нам готовит? // Далекая окраина. 1916. 1 января. С. 3.
140. Смысл событий на русском фронте // Дальний Восток. 1915. 3 августа. С. 1.
141. Совет благоразумия // Дальний Восток. 1916. 5 июля. С. 1.
142. Странник. Новый год // Дальний Восток. 1916. 1 января. С. 1.
143. 143. Телеграммы. В Перемышле после сдачи // Дальний Восток. 1915. 12 марта. С. 2.
144. Телеграммы. Львов взят // Далекая окраина. 1914. 23 августа. С. 2.
145. Телеграммы. От Штаба Верховного Главнокомандующего // Далекая окраина. 1914. 29 августа.
146. Телеграммы. От Штаба Верховного Главнокомандующего // Далекая окраина. 1914. 1 сентября.
147. Телеграммы. От Штаба Верховного Главнокомандующего // Далекая окраина. 1914. 3 сентября. С. 1.

148. Телеграммы. От Штаба Верховного Главнокомандующего // Далекая окраина. 1915. 22 апреля. С. 1.
149. Телеграммы. От Штаба Верховного Главнокомандующего // Далекая окраина. 1915. 23 апреля. С. 2.
150. Телеграммы. От Штаба Верховного Главнокомандующего // Далекая окраина. 1915. 25 апреля. С. 1.
151. Телеграммы. От Штаба Верховного Главнокомандующего // Далекая окраина. 1915. 27 апреля. С. 1.
152. Телеграммы. От Штаба Верховного Главнокомандующего // Далекая окраина. 1915. 29 апреля. С. 1.
153. Телеграммы. От Штаба Верховного Главнокомандующего // Далекая окраина. 1915. 30 апреля. С. 1.
154. Телеграммы. От Штаба Верховного Главнокомандующего // Далекая окраина. 1915. 1 мая. С. 1.
155. Телеграммы. От Штаба Верховного Главнокомандующего // Далекая окраина. 1915. 3 мая. С. 1.
156. Телеграммы. От Штаба Верховного Главнокомандующего // Далекая окраина. 1915. 6 мая. С. 1.
157. Фоминых С. Ф., Степнов А. О. Брусиловский прорыв в зеркале сибирской прессы // Русин. 2016. № 2 (44). С. 44–57.
158. Характер войны // Дальний Восток. 1915. 17 января. С. 3.
159. Цена Ковны // Дальний Восток. 1915. 3 сентября. С. 2.
160. Шингарёв А. Как прокормится Германия // Далекая окраина. 1914. 26 августа. С. 3.
161. Экономическое положение Германии // Дальний Восток. 1915. 23 января. С. 1.

Vadim L. AGAPOV

Ph. D. (in History), Associate Professor, Department of Communication and Media, School of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University (Vladivostok, Russia)
E-mail: agapov_vl@mail.ru

World War I and the Press. Part 3. Periodical Press of the Russian Far East of 1914–1916 about the Course of Military Operations of War

UDC 94(100)"1914/19" doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-4/6-37](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2019-4/6-37)

The article deals with the development of ideas about the military operations of the World War I in the Russian provincial society of that time. The newspapers «Dal'niy Vostok», «Dalekaya okraina», «Russkiy Vostok», «Priamur'ye», «Ekho», «Ussuriyskiy kray», «Amurskiy liman» and others are used as a source. It shows that official information about the war published in the newspapers contained little truth, and editorials based on it were amateurish and monotonous. It is concluded that people in the Russian Far East knew little about the war from the newspapers. On the one hand, this for some time kept the population in hope that the Russian army could defeat the enemy. On the other hand, this hope was based on ignorance of the actual state of affairs. Protracted hostilities over the years led to the situation that the war soon bored everyone. Journalists and their readers came to realize that all bloody battles remained fruitless, and that the outcome of the war could not be solved on the battlefield. Because of this, the war lost popularity.

*World War I,
Russian Empire,
Far East,
military operations,
media,
society*

For citation: Agapov V. L. World War I and the Press. Part 3. Periodical press of the Russian Far East of 1914–1916 about the course of military operations of war // Oriental Institute Journal. 2019. № 4. P. 6–37. doi: [dx.doi.org/10.24866/2542-1611/2019-4/6-37](https://doi.org/10.24866/2542-1611/2019-4/6-37)

References

1. Agapov V. L. Priamurtsy na Pervoj mirovoj vojne glazami vladivostokskoj pressy 1914–1917 gg. // Voенno-istoricheskij zhurnal. 2015. № 7. S. 45–49.
2. Agapov V. L. Soldatskie pis'ma s fronta Pervoj mirovoj vojny v dal'nevostochnykh gazetakh 1914–1915 gg. // Rossiya i ATR. 2015. № 4. S. 169–181.
3. Alforyova I. V., Blokhin V. F. «Gasil'nik narodnogo dukha»: tsenzurnye ogranicheniya v osveshhenii geroizma frontovikov vo vremya Pervoj mirovoj vojny // Novyj istoricheskij vestnik. 2017. № 3 (53). S. 63–83.
4. Amurskij liman. 1915. 8 fevralya. S. 1.
5. Balin K. Zaboty o budushhem // Dalekaya okraina. 1916. 10 aprelya. S. 1.
6. Berezhnoj A. F. Russkaya legal'naya pechat' v gody pervoj mirovoj vojny. – L.: Izd-vo Leningradskogo universiteta, 1975. 152 s.
7. Biryukov-Priamurskij. Mirovaya vojna. Krushenie avstro-germanskogo plana (okonchanie) // Dal'nij Vostok. 1915. 4 yanvarya. S. 2–3.
8. Blizok li konets vojny // Dal'nij Vostok. 1915. 31 avgusta. S. 1.
9. Blokhin V. F., Alforyova I. V. Predan'e administrativnoj stariny: «belye pyatna» na stranitsakh rossijskikh gazet (vtoraya polovina XIX – 1917 god) // Novyj istoricheskij vestnik. 2016. № 3 (49). S. 32–48.
10. Blokhin V. F. Voennaya tsenzura perioda Pervoj mirovoj vojny i periodicheskaya pechat' «armejskikh rajonov» (na materialakh gazety «Volyn'») // TSenzura v Rossii: istoriya i sovremennost'. Sbornik nauchnykh trudov. – SPb.: b. i., 2017. S. 169–186.
11. Bobrov D. Devyatyj val // Dal'nij Vostok. 1915. 19 aprelya. S. 2.
12. Bobrov D. Mechty i dejstvitel'nost' // Dal'nij Vostok. 1915. 1 yanvarya. S. 2.
13. Bobrov D. Nash prazdnik // Dal'nij Vostok. 1915. 15 marta. S. 1.
14. Vakulovskij A. Nabroski // Russkij Vostok. 1914. 17 oktyabrya. S. 2.
15. Vechernie telegrammy. Ot SHtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushhego // Dalekaya okraina. 1915. 25 aprelya. S. 6.
16. Vladivostok, 24 sentyabrya 1914 g. // Russkij Vostok. 1914. 24 sentyabrya. S. 2.
17. V. N. KHod voennykh dejstvij // Dal'nij Vostok. 1914. 24 avgusta. S. 2.
18. V. N. KHod voennykh dejstvij // Dal'nij Vostok. 1914. 7 sentyabrya. S. 2.
19. Voennaya publitsistika // Dal'nij Vostok. 1915. 11 sentyabrya. S. 2.
20. Voennaya statistika // Dalekaya okraina. 1915. 17 maya. S. 2.
21. Germaniya i voennye zapasy // Dal'nij Vostok. 1915. 4 avgusta. S. 1.
22. Germanskie poteri i nemetskoe zasil'e // Dalekaya okraina. 1915. 20 maya. S. 2.
23. Dlitel'nost' vojny // Dal'nij Vostok. 1915. 3 yanvarya. S. 2–3.
24. Dlitel'nost' vojny // Priamurskaya zhizn'. 1915. 6 yanvarya. S. 2.
25. Ezop. Vojna // Ussurijskij kraj. 1914. 25 iyulya. S. 3.
26. Zabel'skoj. Znachenie karpatskoj operatsii // Dal'nij Vostok. 1915. 16 aprelya. S. 2.
27. Zabel'skoj. Poteri germanskoy armii // Dal'nij Vostok. 1915. 3 marta. S. 1.
28. Zadacha chelovechestva // Dal'nij Vostok. 1915. 10 oktyabrya. S. 1.
29. Iz pisem blagoveshchentsev s vojny // EHkho. 1914 (1915). 24 dekabrya (5 yanvarya). S. 4.
30. Irinskij. Vesennie potoki // Dal'nij Vostok. 1915. 15 aprelya. S. 2.
31. Irinskij. Reshenie uchasti Avstro-Vengrii na Karpatakh // Dal'nij Vostok. 1915. 19 aprelya. S. 2.
32. Itogi dvukh mesyatsev vojny // Priamur'e. 1914. 21 sentyabrya. S. 2.
33. Kak zashchishalsya Osovetov // Dal'nij Vostok. 1915. 3 sentyabrya. S. 1.
34. Karaman V. N., Rykunov D. EH. Pis'ma Pervoj mirovoj vojny v gazete «Dal'nij Vostok» // Ojkumena. 2014. № 2 (29). S. 117–136.
35. K ostavleniyu Peremyshlya // Dal'nij Vostok. 1915. 6 iyunya. S. 1.
36. Lemke M. K. 250 dnej v tsarskoj stavke. 1914–1915. – Minsk: KHarvest, 2003. 448 s.
37. Lemke M. K. 250 dnej v tsarskoj stavke. 1916. – Minsk: KHarvest, 2003. 672 s.
38. Lord Kitchener o vojne // Dal'nij Vostok. 1915. 3 fevralya. S. 1.
39. Matyushenskij A. I. Vnimaniyu ob"yavitelej // Blagoveshchenskoe utro. 1914. 5

- avgusta. S. 1.
40. M. V. Podpisyyvaytes' na zayom! // Dalekaya okraina. 1915. 15 maya. S. 1.
41. M. V. Zalog pobedy // Dalekaya okraina. 1915. 8 iyulya. S. 1.
42. Mir? // Dal'nij Vostok. 1915. 6 sentyabrya. S. 1.
43. Mir eshhyo v bol'shem otdalenii // Priamur'e. 1914. 25 sentyabrya. S. 2.
44. Mikhajlov. Mir – razorenije // Dalekaya okraina. 1915. 12 sentyabrya. S. 1–2.
45. Morev N. K ostavleniyu Peremyshlya // Dal'nij Vostok. 1915. 24 maya. S. 1.
46. Morev N. Ostavlenie L'vova // Dal'nij Vostok. 1915. 13 iyunya. S. 1.
47. Morev N. Padenie krepostej // Dal'nij Vostok. 1915. 9 avgusta. S. 2.
48. N. A. Okolo vojny // Ussurijskij kraj. 1914. 9 avgusta. S. 2.
49. Nashe polozhenie // Dal'nij Vostok. 1915. 2 avgusta. S. 2.
50. «Ne nado speshit!». Khabarovsk, 14 yanvarya 1915 g. // Priamurskaya zhizn'. 1915. 14 yanvarya. S. 3.
51. Neopravdavshiesya nadezhdy Germanii // Dal'nij Vostok. 1916. 19 iyulya. S. 2.
52. Nikolaev E. Grimasy vojny // Dalekaya okraina. 1916. 29 maya. S. 2.
53. Novaya bitva narodov // Russkij Vostok. 1914. 8 (21) avgusta. S. 2.
54. Novikov-Sibirskij. Bitva narodov // Dalekaya okraina. 1914. 11 oktyabrya. S. 1.
55. Novikov-Sibirskij. Vechnaya greza // Dalekaya okraina. 1915. 25 dekabrya. S. 1.
56. Novikov-Sibirskij. Voennoe snaryazhenie // Dalekaya okraina. 1915. 9 iyunya. S. 2.
57. Novikov-Sibirskij. Dva mesyatsa vojny // Dalekaya okraina. 1914. 21 sentyabrya. S. 1.
58. Novikov-Sibirskij. ZHestokoe v zhizni // Dalekaya okraina. 1914. 7 dekabrya. S. 1.
59. Novikov-Sibirskij. Ispytanie // Dalekaya okraina. 1915. 14 iyunya. S. 1.
60. Novikov-Sibirskij. Na zapadnom fronte // Dalekaya okraina. 1915. 1 sentyabrya. S. 1.
61. Novikov-Sibirskij. Nashi zhertvy // Dalekaya okraina. 1915. 2 aprelya. S. 1.
62. Novikov-Sibirskij. Obshhestvennyye nastroyeniya // Dalekaya okraina. 1915. 16 maya. S. 1.
63. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny (velikie bitvy) // Dalekaya okraina. 1914. 29 oktyabrya. S. 1–2.
64. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny (v Dardanellakh) // Dalekaya okraina. 1915. 10 marta. S. 1.
65. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny (v Karpatakh) // Dalekaya okraina. 1915. 28 marta. S. 1.
66. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny (v Pol'she) // Dalekaya okraina. 1914. 9 dekabrya. S. 1.
67. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny // Dalekaya okraina. 1914. 14 sentyabrya. S. 1.
68. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny // Dalekaya okraina. 1914. 26 oktyabrya. S. 2.
69. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny // Dalekaya okraina. 1914. 2 noyabrya. S. 1.
70. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny // Dalekaya okraina. 1915. 8 maya. S. 2.
71. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny // Dalekaya okraina. 1915. 13 maya. S. 2.
72. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny // Dalekaya okraina. 1915. 20 maya. S. 2.
73. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny // Dalekaya okraina. 1915. 10 iyunya. S. 2.
74. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny // Dalekaya okraina. 1915. 28 iyunya. S. 2.
75. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny // Dalekaya okraina. 1915. 27 noyabrya. S. 1.
76. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny // Dalekaya okraina. 1916. 25 maya. S. 1.
77. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny // Dalekaya okraina. 1916. 29 maya. S. 1.
78. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny // Dalekaya okraina. 1916. 1 iyunya. S. 2.
79. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny // Dalekaya okraina. 1916. 4 iyunya. S. 1.
80. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny // Dalekaya okraina. 1916. 28 iyunya. S. 2.
81. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny (na avstro-germanskom fronte) // Dalekaya okraina. 1914. 8 noyabrya. S. 1–2.
82. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny. Na Vostochno-Prusskom fronte // Dalekaya okraina. 1914. 23 sentyabrya. S. 1.
83. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny (na zapade) // Dalekaya okraina. 1916. 14 maya. S. 1–2.
84. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny (na reku Maas i Sambur) // Dalekaya okraina. 1914. 17 avgusta. S. 3.
85. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny (na

- frantsuzskom teatre) // Dalekaya okraina. 1914. 13 sentyabrya. S. 1.
86. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny (srazhenie pod Parizhem) // Dalekaya okraina. 1914. 29 avgusta. S. 1–2.
87. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny (u Verdenu) // Dalekaya okraina. 1916. 10 marta. S. 2.
88. Novikov-Sibirskij. Ocherki vojny (u Verdenu) // Dalekaya okraina. 1916. 24 marta. S. 2.
89. Novikov-Sibirskij. Peremysl' // Dalekaya okraina. 1915. 11 marta. S. 1.
90. Novikov-Sibirskij. Pod ruzh'yo! // Dalekaya okraina. 1915. 19 avgusta. S. 1.
91. Novikov-Sibirskij. Slukhi o separatnom mire // Dalekaya okraina. 1915. 8 aprelya. S. 2.
92. Novikov-Sibirskij. Sud'ba Avstrii // Dalekaya okraina. 1914. 20 sentyabrya. S. 1–2.
93. N. S. Dlitel'nost' vojny // Dalekaya okraina. 1914. 24 avgusta. S. 2. Obzor «Armejskogo vestnika» // Dalekaya okraina. 1915. 12 maya. S. 1.
94. Obmanutye v ozhidaniyakh // Dal'nij Vostok. 1915. 13 avgusta. S. 1.
95. Obshhee polozhenie // Dal'nij Vostok. 1916. 2 iyulya. S. 1.
96. Okolo vojny. Germanskie poteri // Dal'nij Vostok. 1915. 6 iyunya. S. 2.
97. Okolo vojny // Dalekaya okraina. 1915. 25 aprelya. S. 2.
98. Okolo vojny // Dal'nij Vostok. 1915. 4 yanvarya. S. 4.
99. Okolo vojny. Nadezhdy na chudo // Dal'nij Vostok. 1915. 17 yanvarya. S. 3.
100. Okolo vojny. Poteri germantsev // Dal'nij Vostok. 1915. 6 yanvarya. S. 3.
101. Os'kin M. V. Pervaya mirovaya vojna. – M.: Veche, 2010. 368 s.
102. Os'kin M. V. Russkij soldat v okopakh Pervoj mirovoj. – M.: Veche, 2018. 368 s.
103. Ot Glavnogo upravleniya General'nogo shtaba // Dalekaya okraina. 1914. 3 sentyabrya.
104. Ot SHTaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushhego // Dalekaya okraina. 1915. 4 maya. S. 1.
105. Ofitsial'noe soobshchenie britanskogo voennogo ministerstva // Dalekaya okraina. 1914. 2 sentyabrya. S. 2.
106. Pamyati A. A. Dattana // Dal'nij Vostok. 1916. 25 avgusta. S. 2.
107. Pamyati dobrovol'tsa Tolstikova // Amurskij liman. 1915. 8 fevralya. S. 1.
108. Panov V. Na puti k pobeде (19 iyulya 1914 – 1916 g.) // Dal'nij Vostok. 1916. 19 iyulya. S. 2.
109. Patrusheva N. G. Pervaya mirovaya vojna i tsenzurnye uchrezhdeniya Rossii // Vek informatsii. 2015. № 2. S. 155–163.
110. Petr Aleksandrovich Pavlov // Dalekaya okraina. 1916. 10 yanvarya. S. 3.
111. Pis'ma iz armii // Dalekaya okraina. 1915. 23 aprelya. S. 3.
112. Pis'ma s vojny // Priamur'e. 1915. 22 marta. S. 2.
113. Pis'mo iz dejstvuyushhej armii // Amurskij liman. 1915. 1 marta. S. 3.
114. Pozdneev D. Volya i nastojchivost' // Dal'nij Vostok. 1915. 14 fevralya. S. 2.
115. Polynov K. Vojna // Dalekaya okraina. 1915. 19 avgusta. S. 1.
116. † Poruchik N. F. Krivosheev // Dal'nij Vostok. 1916. 3 sentyabrya. S. 2.
117. Posle vojny // Dalekaya okraina. 1916. 25 marta. S. 1.
118. Poteri avstrijtsjev // Dalekaya okraina. 1914. 8 dekabrya. S. 4.
119. Poteri germanskoj armii // Dal'nij Vostok. 1915. 2 avgusta. S. 2.
120. Poteri germantsev i avstrijtsjev // Dalekaya okraina. 1914. 9 dekabrya. S. 2.
121. Priamurskoe general-gubernatorstvo v gody Pervoj mirovoj vojny: shtrikhi vremeni, golosa sovremennikov. Dokumenty i materialy. – Vladivostok: RGIA DV, 2014. 280 s.
122. Priamurtsy na vojne. Pis'ma iz armii // Dal'nij Vostok. 1915. 4 yanvarya. S. 3.
123. Priamurtsy na vojne. Pis'ma iz armii // Dal'nij Vostok. 1915. 6 yanvarya. S. 3.
124. Priamurtsy na vojne. Pis'ma iz armii // Dal'nij Vostok. 1915. 8 yanvarya. S. 3.
125. Priamurtsy na vojne. Pis'ma iz armii // Dal'nij Vostok. 1915. 10 yanvarya. S. 3.
126. Priamurtsy na vojne. Pis'ma iz armii // Dal'nij Vostok. 1915. 14 yanvarya. S. 3.
127. Priamurtsy na vojne. Pis'ma iz armii // Dal'nij Vostok. 1915. 16 yanvarya. S. 3.
128. Priamurtsy na vojne. Pis'ma iz armii // Dal'nij Vostok. 1915. 23 yanvarya. S. 3.
129. Priamurtsy na vojne. Pis'ma iz armii // Dal'nij Vostok. 1915. 15 fevralya. S. 3.
130. Priamurtsy na vojne. Pis'ma iz armii // Dal'nij Vostok. 1915. 19 fevralya. S. 3.

131. Priamurtsy na vojne. Pis'ma iz armii // Dal'nij Vostok. 1915. 24 fevralya. S. 3.
132. Priamurtsy na vojne. Pis'ma iz armii // Dal'nij Vostok. 1915. 27 fevralya. S. 3.
133. Prudkoglyad T. V. Listaya pozheltevshie stranitsy... K istorii periodicheskoy pechati Dal'nego Vostoka Rossii (1865–1917). – Vladivostok: Izd-vo Dal'nevost. un-ta, 2000. 240 s.
134. Svetlov A. Vojna radi mira // Dal'nij Vostok. 1915. 3 fevralya. S. 1.
135. Svechin A. A. Obshnij obzor sukhoputnykh operatsij // Velikaya zabytaya vojna. – M.: EHksmo, 2009. 588 s. S. 5–179.
136. Sdacha Peremyshlya. Ot SHtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushhego // Dalekaya ukraina. 1915. 11 marta.
137. Semenov-Volzhsij. Vojna i pechat' // Dal'nij Vostok. 1915. 8 fevralya. S. 3.
138. 139. Sentsova A. CHto god gryadushhij nam gotovit? // Dalekaya ukraina. 1916. 1 yanvarya. S. 3.
139. Smysl sobytij na russkom fronte // Dal'nij Vostok. 1915. 3 avgusta. S. 1.
140. Sovet blagorazumiya // Dal'nij Vostok. 1916. 5 iyulya. S. 1.
141. Strannik. Novyj god // Dal'nij Vostok. 1916. 1 yanvarya. S. 1.
142. 143. Telegrammy. V Peremyshle posle sdachi // Dal'nij Vostok. 1915. 12 marta. S. 2.
143. Telegrammy. L'vov vzyat // Dalekaya ukraina. 1914. 23 avgusta. S. 2.
144. Telegrammy. Ot SHtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushhego // Dalekaya ukraina. 1914. 29 avgusta.
145. Telegrammy. Ot SHtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushhego // Dalekaya ukraina. 1914. 1 sentyabrya.
146. Telegrammy. Ot SHtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushhego // Dalekaya ukraina. 1914. 3 sentyabrya. S. 1.
147. Telegrammy. Ot SHtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushhego // Dalekaya ukraina. 1915. 22 aprelya. S. 1.
148. Telegrammy. Ot SHtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushhego // Dalekaya ukraina. 1915. 23 aprelya. S. 2.
149. Telegrammy. Ot SHtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushhego // Dalekaya ukraina. 1915. 25 aprelya. S. 1.
150. Telegrammy. Ot SHtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushhego // Dalekaya ukraina. 1915. 27 aprelya. S. 1.
151. Telegrammy. Ot SHtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushhego // Dalekaya ukraina. 1915. 29 aprelya. S. 1.
152. Telegrammy. Ot SHtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushhego // Dalekaya ukraina. 1915. 30 aprelya. S. 1.
153. Telegrammy. Ot SHtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushhego // Dalekaya ukraina. 1915. 1 maya. S. 1.
154. Telegrammy. Ot SHtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushhego // Dalekaya ukraina. 1915. 3 maya. S. 1.
155. Telegrammy. Ot SHtaba Verkhovnogo Glavnokomanduyushhego // Dalekaya ukraina. 1915. 6 maya. S. 1.
156. Fominykh S. F., Stepnov A. O. Brusilovskij proryv v zerkale sibirskoj pressy // Rusin. 2016. № 2 (44). S. 44–57.
157. KHarakter vojny // Dal'nij Vostok. 1915. 17 yanvarya. S. 3.
158. TSena Kovny // Dal'nij Vostok. 1915. 3 sentyabrya. S. 2.
159. SHingaryov A. Kak prokormitsya Germaniya // Dalekaya ukraina. 1914. 26 avgusta. S. 3.
160. EHkonomicheskoe polozhenie Germanii // Dal'nij Vostok. 1915. 23 yanvarya. S. 1.